

Ф. И. МЕЛЕНТЬЕВ

«И В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ ЧТИМ,
НАСЛЕДНИК НЕ УМРЕТ ЛЮБИМЫЙ!...»

Поэтические отклики 1865 года
на кончину цесаревича Николая Александровича

12 апреля 1865 г. скончался цесаревич Николай Александрович, который был, пожалуй, одним из самых образованных наследников российского престола.¹ Смерть 21-летнего сына Александра II стала заметным событием для русского общества и вызвала появление не только верноподданнических адресов с соболезнованиями,² но и поэтических откликов. Эти отклики уже были частично рассмотрены исследователями, обратившими внимание на «высокую степень разработанности сюжета смерти наследника» в лирических произведениях середины 1860-х гг. и отметившими «первый всплеск поэтической активности» на страницах газеты «Московские ведомости» в период редакторства М. Н. Каткова.³ Наиболее обстоятельно и подробно было освещено стихотворение Ф. И. Тютчева

¹ Подробнее о его кончине см.: Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. С. 393—442; Зимин И. В. Болезнь и смерть цесаревича Николая Александровича // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 140—147; «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днем моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому / Публ. подгот. Ф. Мелентьев // Родина. 2015. № 2. С. 11—12.

² См., например, адреса на Высочайшее имя с изъявлениями скорби о кончине наследника цесаревича, полученные в Министерстве внутренних дел (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Ед. хр. 561).

³ Лейбов Р. Г. «Дагмарина неделя»: Очерк контекстов одного стихотворения Тютчева // Труды по русской и славянской филологии. Литера-

«Сын царский умирает в Ницце...», последняя редакция которого была завершена накануне кончины великого князя, но при жизни поэта так и не была опубликована.⁴ В научно-популярных биографиях членов царской семьи и литературоведческих исследованиях последних лет также упоминаются и цитируются стихотворения, посвященные смерти цесаревича Николая Александровича, однако в целом они еще не становились предметом изучения.⁵

Представляя собой эмоциональный отклик на событие, три с лишним десятка стихотворений распространялись в списках, печатались в газетах и сборниках мемориальных текстов, а также выходили отдельными изданиями.⁶ В то время как помещение официальных объявлений о кончине цесаревича газетам предписывалось (например, за отсутствие таковых была закрыта радикально-демократическая газета «Народная летопись»⁷), появление на газетных страницах стихотворений не являлось обязательным. Будучи при этом доступными массовому читателю, они содержали яркие и легко запоминавшиеся образы покойного наследника пре-

туроведение. III. Tartu, 1999. С. 97; Деревягина Е. В. «Московские ведомости» М. Н. Каткова (1863—1887) в русском литературном процессе: Дисс. ... канд. филол. наук. Новгород, 2004. С. 148.

⁴ Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце...»: жанр, сюжет, контексты // Russian Literature. 2003. Vol. 54, № 4. P. 475—503. См. также: Чумakov Ю. Н. Гений русской безличности: Ф. И. Тютчев // Вестн. Удмурт. гос. ун-та. 2012. № 5/4. С. 165.

⁵ См., в частности: Боянов А. Н. Николай II. М., 1997. С. 21; Кудрина Ю. В. Мария Федоровна. М., 2009. С. 47; Вербицкая Т. Несоставившийся император. Великий князь Николай Александрович (1843—1865). М., 2010. С. 204, 206, 214—216, 249—251; Динесман Т. Г. Второй сборник «Стихотворений» Ф. И. Тютчева. История создания // Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М., 2012. Кн. 3. С. 541; Степанищева Т. «Мне дорого и нужно было сочувствие...»: поэтические обращения П. А. Вяземского к императорской фамилии // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015. С. 186.

⁶ См., например: На кончину государя наследника цесаревича, великого князя Николая Александровича, скончавшегося 12 апреля 1865 года. (СПб., 1865); На память о дне погребения его императорского высочества государя наследника цесаревича. (СПб., 1865).

⁷ Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. М., 1959. С. 465—466.

стола, его невесты датской принцессы Марии Софии Фридерики Дагмар, а также Александра II, императрицы Марии Александровны и нового цесаревича вел. кн. Александра Александровича. Между тем следует иметь в виду замечание С. И. Григорьева, «что стихи — как эмоциональное выражение верноподданнических взглядов, рассчитанное прежде всего на грамотного потребителя, — не имели столь широкого рынка сбыта, как изображения особ императорской фамилии».⁸ В целом же представляется, что изучение стихотворений на кончину наследника позволит лучше понять характер формирования образов царской семьи в 1860-е гг., поскольку, с одной стороны, стихотворения в той или иной степени влияли на формирование этих образов в представлении читателей, а с другой — в определенной мере являлись их отражением.

Смерть наследника престола в столь молодом возрасте привела к себе особенное внимание, тем более что в середине 1860-х гг. цесаревич Николай Александрович был одним из самых популярных членов Российской императорской фамилии (судя по количеству упоминаний его имени в изданиях, проходивших цензуру Министерства императорского двора).⁹ «Великий князь Николай, — писал французский посол в Петербурге бар. Шарль де Талейран о складывавшейся вокруг имени цесаревича легенде, — останется в памяти своих современников как интересная, поэтическая фигура».¹⁰ Наследнику престола преподавали виднейшие профессора, а в 1861 и 1863 гг. он совершил несколько путешествий, «Россию

⁸ Григорьев С. И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831—1917). СПб., 2007. С. 183.

⁹ Там же. С. 249, 254. См. также: Уортман Р. С. Сценарии власти: Миры и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. С. 135—159; Секиринский С. С., Филиппова Т. А. Родословная российской свободы. М., 1993. С. 89—102; Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843—1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 236—246; Захарова Л. Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 138; Барыкина И. Е. Официальные церемонии в Петропавловском соборе во второй половине XIX века как инструмент сакрализации власти // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2014. Вып. 24. С. 123—125.

¹⁰ Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856—1870). М., 2015. С. 292.

орлом облетая, / чтоб царство узнать».¹¹ Цесаревич изображался публицистами как любимец и надежда страны.¹² Этот образ был подхвачен и в народе.

О! велик и славен он,
Цесаревич щит Руси,
От царя получит трон,
Всевышний Бог его спаси!

— писал мастер кондитерского цеха А. С. Воронцов в стихотворении, преподнесенном цесаревичу во время посещения им Нижнего Новгорода в 1861 г.¹³ Следует отметить, что поднесение подарков членам императорской фамилии так или иначе вознаграждалось,¹⁴ и в данном случае предприимчивый кондитер, по крайней мере, получил «благодарность автору», объявленную «от его высочества», а фамилия поэта оказалась на страницах столичной газеты.¹⁵

Стихотворение Воронцова, как и ряд других подносных произведений, не публиковалось. В рукописном отделении библиотеки Зимнего дворца сохранилось несколько стихотворений, одно из которых было посвящено цесаревне Марии Александровне по случаю рождения ее старшего сына в 1843 г., а другое написано в честь его 19-летия полтавским раввином Я. И. Гурляндом (чей сын впоследствии станет одним из ближайших сотрудников П. А. Столыпина).¹⁶ В личном фонде Александра II сохранилось стихотворение главного караимского учителя и наставника А. С. Фирковича, приуроченное ко дню тезоименитства великого князя 6 декабря 1856 г.¹⁷ Возможно, таким образом Фиркович хотел привлечь вни-

¹¹ Федоров Б. Похвалинский съезд. Стихотворение в память в Бозе почившего государя цесаревича и великого князя Николая Александровича. СПб., 1865. С. 3.

¹² См., в частности: Путешествие государя наследника цесаревича в 1861 году. СПб., 1861; Борисов *(Ознобишин Д. П.)* Пребывание государя наследника цесаревича Николая Александровича в Симбирске в 1863 году: Рассказ симбирянина. Симбирск, 1863; Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864.

¹³ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 1523. Л. 1 об.

¹⁴ Сафонова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879—1881 годы. М., 2014. С. 214—215.

¹⁵ Северная пчела. 1861. 9 сент. № 199. С. 813.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1974, 2703.

¹⁷ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 115.

мание императора к своей личности и к волновавшему его вопросу об отмежевании караимов от евреев. Наконец, в личном фонде цесаревича Николая Александровича сохранились посвященные ему стихотворения поэта-самоучки А. В. Антонова.¹⁸ По-видимому, все эти стихотворения отражали не только внимание к событиям, связанным со старшим сыном Александра II, но и заинтересованность их авторов в той или иной выгоде (например, в известности царской семьи).

Прагматическими соображениями могли руководствоваться и авторы стихотворений на кончину цесаревича Николая Александровича. Поэтому произведения, подносимые на Высочайшее имя, проходили определенный отбор. В частности, внимание III Отделения привлек весьегонский мещанин К. И. Голубков, намеревавшийся «утруждать государя императора представлением его величеству стихов своих по случаю кончины цесаревича Николая Александровича». Вот, например, одна из строф его творения:

Жалко! Жалко! Цесаревич
Покинул русский наш народ.
Николай наш Александрович,
Сожалеет тебя русский род.

Неудивительно, что шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков нашел «крайне неудобным допускать этого мещанина беспокоить его величество, особенно в настоящее время», тем более имея в виду, что Голубков «находится постоянно пьяным и что стихи его без всякого смысла».¹⁹ При этом очевидно значение, которое придавалось властью стихотворным откликам на смерть цесаревича: они являлись своеобразной формой общения императора и его подданных.

В отличие от большинства стихотворений, посвященных цесаревичу Николаю Александровичу при жизни, отклики на его кончину имели поистине массовый характер. Особый интерес к смерти наследника престола способствовал широкому распространению и коммерческому успеху изданий, в которых освещалась кончина великого князя. Так, в конце мая 1865 г. в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» появились объявления, обращавшие внимание читателей на поступившую в продажу «Элегию на кончину в Бозе почившего наследника цесаревича». Эта эле-

¹⁸ Там же. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 51.

¹⁹ Там же. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. хр. 2568. Л. 1, 2.

гия была написана по-немецки неким доктором Вальтером, при чем автор объявления не сомневался, что произведение «не пройдет незамеченным в то время, когда с жадностью читается всё, имеющее какое-либо отношение к горестному событию, поразившему Россию».²⁰ Таким образом, адресатом стихотворений на смерть наследника были не столько члены императорской фамилии, сколько представители читающего общества. В этом смысле характерно название одного из стихотворений, представлявшего собой «обращение к Петербургу».²¹ Надо сказать, что поэтические послания не только дошли до русского общества, но и произвели на него определённое впечатление, поскольку наиболее яркие стихотворения по нескольку раз переписывались и хранились читающей публикой, как, к примеру, стихи В. В. Бажанова «На кончину государя наследника великого князя Николая Александровича»²², кн. Н. П. Мещерского «С тобою смерть нас породнила...»²³ и кн. П. А. Вяземского «Вечером на берегу моря».²⁴

В стихотворениях на смерть великого князя прослеживается процесс создания его положительного образа. Предполагавшееся правление наследника, писал поэт П. В. Шерemetевский, обещало России пору процветания, «дни прочных благ, великих дел / для счастья подданных в удел / богоспасаемой державы».²⁵ В то же время цесаревич представлялся не только идеальным будущим монархом, но и образцом добродетели, поэтому стихотворец, подписавшийся буквой «Ф.», обращал внимание на сочетание «высоких нравственных начал / с прекрасным светлым направлением» наследника.²⁶

Перечисляя «прекрасные качества» цесаревича, Е. В. Пчелов отмечает, что тот и сам писал стихи.²⁷ Действительно, в ар-

²⁰ Северная почта. 1865. 29 мая. № 114. С. 454.

²¹ Клобуцкий М. П. Голос патриота из провинции, или Обращение к Петербургу, при ввезении тела в Бозе почившего великого князя, наследника цесаревича Николая Александровича. Харьков, 1865.

²² РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 405.

²³ Там же. Ед. хр. 436.

²⁴ Там же. Ед. хр. 470.

²⁵ ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1.

²⁶ Русский инвалид. 1865. 20 апр. № 83. С. 4. Возможно, под литерой «Ф.» скрыл свое имя П. А. Фролов (*Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. М., 1958. Т. 3. С. 189).

²⁷ Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М., 2003. С. 240. Впрочем, свой тезис об этом автор ничем не подкрепляет.

хиве ежемесячного исторического журнала «Русская старина» сохранилась присланная неизвестным корреспондентом рукопись с примечанием: «Эти стихи сообщены мне за сочиненные е. и. в. наследником Николаем Александровичем». Четверостишие было посвящено последней значимой операции Крымской войны — взятию турецкого города Карса в ноябре 1855 г. кавказским наместником Н. Н. Муравьевым (который во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. брал не только Карс, но и пашалык Эрзерум). Имея в виду былые победы русского оружия и, очевидно, желая их повторения, автор писал:

Муравьев взял Карс,
С чем поздравляем вас.
А коли придет на ум,
Так возьмет и Эрзерум.²⁸

Фрейлина императрицы Марии Александровны А. Ф. Тютчева в письме к воспитательнице государыни Марианне Гранси приводила иной вариант стихотворения, безоговорочно признавая его авторство за наследником:

Поздравляю вас,
Муравьев взял Карс,
Как приложит ум,
Так возьмет Эрзерум.²⁹

Этот «куплет», по-видимому, отражал некоторое предубеждение, сложившееся у Александра II по отношению к Муравьеву и передавшееся наследнику престола.³⁰ Вместе с тем неровная метрика и юмористический характер четверостишия напоминали принадлежавшие цесаревичу Николаю Александровичу шутливые надписи. Так, на обороте своего фотопортрета он написал: «Посылаю тебе мою рожу, которая очень не похожа»,³¹ а письмо к одному из братьев закончил словами:

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 81. Л. 8.

²⁹ Письма А. Ф. Тютчевой к м-ль Гранси // Российский архив. М., 2009. Вып. 18. С. 396. Пер. с фран. Л. В. Гладковой.

³⁰ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. М., 1888. Т. 1. С. 385—386, 389.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4 об.

Еще прощай!!!!
и меня не забывай.³²

Таким образом, наследник был не прочь срифмовать пару-другую строчек, но это были не лирические произведения, а шутливые вирши. И хотя в 1864 г. близкий к сыновьям Александра II кн. В. П. Мещерский включил имя цесаревича в список авторов своего экспромта «Воспоминанье бала 12 января», иных стихотворений с подписью наследника, по-видимому, не сохранилось, а сам он, судя по одному из писем Мещерского, предпочитал сентиментально-поэтическому восприятию жизни реалистический взгляд на вещи.³³

Завидный жених, в 1864 г. великий князь посватался к датской принцессе Дагмар и получил ее согласие.³⁴ В посвященном этому событию стихотворении И. И. Лагузен, преподававший сыновьям Александра II чистописание, надеялся, «что горизонт любви не оттенится горем».³⁵ Однако весной 1865 г. из Ниццы, где цесаревич Николай Александрович находился во время заграничного путешествия, стали приходить тревожные вести о его болезни. Сообщая об обеспокоенности народа состоянием великого князя, Катков вспоминал о надеждах, которые возлагались на цесаревича. «Давно ли он оставил Россию, полный здоровья и цветущих сил, чтобы вскоре возвратиться в нее с новым счастием, с новыми надеждами? Давно ли с его пути получались в России светлые вести?» — вопрошал Катков 8 апреля, за несколько дней до смерти наследника.³⁶

³² Мелентьев Ф. И. «Плыл по Волге князь с боярами...»: Письмо цесаревича Николая Александровича вел. кн. Алексею Александровичу 8 июля 1863 г. // Славянский альманах. 2015. М., 2015. Вып. 1—2. С. 432.

³³ РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 10; Ед. хр. 2. Л. 2.

³⁴ Кудрина Ю. «Я предчувствую счастье»: Первая любовь принцессы Дагмар // Родина. 2005. № 6. С. 99—107; Ульструп П. Жизнь и судьба императрицы Марии Федоровны // Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2008. С. 21—22.

³⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2767. Л. 1. Авторство стихотворения, подписанного «И. Л....», определено по дневнику вел. кн. Алексея Александровича (ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 42). Об этом дневнике см. подробнее: Софьян Д. М. Дневник великого князя Алексея Александровича как исторический источник // Пятнадцатые Романовские чтения: Всерос. науч.-практич. конф.: материалы. Екатеринбург, 2015. С. 66—76.

³⁶ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865 год. М., 1897. С. 209.

Эта риторическая напряженность передалась и поэтам.

Давно лъ, надеждъ святых полна,
Его, на путь в края чужие,
Благословляла вся Россия,
Его наследная страна?

— воскликнул В. В. Бажанов, сын протопресвитера Василия Бажанова — духовника царской семьи. «Давно лъ весть радостная эта, — продолжал Бажанов, имея в виду сообщение о помолвке наследника, — по всей отчизне пронеслась».³⁷ Аллюзии на передовую «Московских ведомостей» содержались и в ряде других стихотворений.³⁸ Вообще газетные известия имели большое влияние на восприятие современниками событий, в том числе и в ретроспективе. Например, мемуары гр. Д. А. Милютина в части, касающейся болезни, кончины и погребения наследника цесаревича, практически полностью основаны не на личных воспоминаниях Дмитрия Алексеевича, а на сообщениях центральной прессы.³⁹

Во всяком случае, внезапность смерти цесаревича Николая Александровича требовала объяснений. Молодость и смерть казались несовместимыми. Эту мысль ярко выразил один из русских жителей Брюсселя:

Больно и мне, постороннему, вчуже —
Только и видишь, что горе да слезы...
Худо, как гибнут уж старые лозы,
Но умереть, не расцвев, — еще хуже!⁴⁰

Вопросы, почему и зачем произошла трагедия в царской семье, волновали многих.⁴¹ «Безжалостная ночь смерти, возвести нам разум свой: зачем так рано ты настала для дорогой нам Жизни?» — воскликнул священник Николай Сергиевский в слове пред первым поминовением новопреставленного великого князя, сказанном

³⁷ Русский инвалид. 1865. 22 апр. № 85. С. 4. Личность автора установлена по дневнику вел. кн. Алексея Александровича (ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 78 об.).

³⁸ ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1; Памятник в Бозе почившему государю наследнику цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу. СПб., 1865. С. 135, 136.

³⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867. М., 2005. С. 52—78.

⁴⁰ Русский инвалид. 1865. 16 апр. № 81. С. 4.

⁴¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 270.

в церкви Московского университета.⁴² Неудивительно, что одно из объяснений случившегося выражалось в формах, заимствованных из церковно-риторической традиции. Они соответствовали трагизму положения и проявились не только в проповедях⁴³ и лирических произведениях, но и в манифесте о смерти наследника (составленном, вероятно, при участии кн. Вяземского), а также в официальной телеграмме, опубликованной еще до манифеста.⁴⁴

«Всевышнему угодно было поразить нас страшным ударом, — говорилось в манифесте. — Но покоряясь безропотно Промыслу Божию, мы молим Всемогущего Творца вселенныя, да даст нам твердость и силу к перенесению глубокой горести, Его волею нам ниспосланной».⁴⁵ Таким образом, несмотря на прискорбность события, кончина цесаревича представлялась не карой за грехи народа или неправедность царя, а неким попущением Божиим. Эта мысль была развита митрополитом Московским, святителем Филаретом (Дроздовым). «Несомненно, — утверждал он в письме к Александру II, — что верен Господь и в услышании молитвы. Он услышал ее, принял и исполнил, только не по мысли родительской и отечественной любви, которая желала удержать благоверного царевича для трудных в трудные времена подвигов земного царства, но исполнил по разумению Своего Божественного ума, который предзрел, как лучшее, то, чтобы скоро призвать его в Царство Небесное».⁴⁶

Мысль о таинственности благого Божественного Промысла перекликалась с рассуждениями о том, что небесный чертог выше земного трона.

Знать, он пред Богом был достоин
Другого, лучшего венца, —

⁴² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2792. Л. 1.

⁴³ См., в частности: Слово перед панихидою по усопшему государю наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, сказанное преосвященным Феофаном, епископом Владимирским и Сузdalским. Владимир, 1865; Речь перед панихидою о почившем в Бозе благоверном государе, цесаревиче и великом князе Николае Александровиче, сказанная в Тюремном замке священником Иоанном Полисадовым. СПб., 1865.

⁴⁴ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 36; Московские ведомости. 1865. 13 апр. № 78. С. 1.

⁴⁵ Полный свод законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. № 42012. С. 442.

⁴⁶ Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 766.

писал о наследнике Тютчев в стихотворении «12-ое апреля 1865», добавляя, что покойный цесаревич удостоился «наследства Бога».⁴⁷ Это указывало на возможность молитвенного заступничества великого князя перед небесным престолом, которое фактически означало декларирование его праведности. «Претерпевший до конца», — писал о цесаревиче Тютчев,⁴⁸ отсылая читателей к евангельскому тексту: «Претерпевший же до конца спасется» (см., например: Мф. 24: 13). А неизвестный автор, скрывшийся за инициалами «Р. З.», писал еще более определенно: «Как ни любим ты был любвию земной, но там тебе готов другой венец, святой!»⁴⁹

Более того, некоторые черты сближали образ наследника с образом самого Христа. Неслучайно Вяземский, предполагая, что народ, встречающий тело покойного, «не скажет: „Се Жених грядет!“»,⁵⁰ писал слово «жених» с прописной буквы, тем самым отсылая читателей к евангельской притче о десяти девах, которые ожидали Жениха-Христа (Мф. 25: 6). Символика притчи отразилась и в тропаре первых трех дней Страстной седмицы «Се Жених грядет в полуночи...», отзывавшемся в строке Петра Андреевича. Возможно также, что Вяземский противопоставлял свои стихи и звучавшие в те дни в православных храмах стихиры Пасхи, в которых воспевалось: «Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха происходяща». Конечно же, жители столицы Российской империи не увидели бы жениха принцессы Дагмары выходящим из гроба, и поэтому они не имели повода ликовать и радоваться. Но так или иначе, смерть великого князя становилась свидетельством его святости, что должно было стать неким утешением для царской семьи.

Образ «в Бозе почившего» цесаревича Николая Александровича находился в непосредственной связи с образами других членов Российской императорской фамилии. Авторы стихотворений на кончину наследника в первую очередь обращались к образу императрицы Марии Александровны, которая символически уподобля-

⁴⁷ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2003. Т. 2. С. 140.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кончина наследника цесаревича Николая Александровича 12 апреля 1865 года. СПб., 1865. С. 6. Возможно, за подписью «Р. З.» скрывалось имя Р. М. Зотова (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. С. 10).

⁵⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч: В 12 т. СПб., 1896. Т. 12. С. 201.

лась Приснодеве Марии, стоявшей у подножия Голгофы. Тютчев писал, что цесаревич молится о матери,

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...⁵¹

В свете аллюзии на крестную смерть Спасителя страдания императрицы сравнивались со скорбью Богоматери, причем отмеченные Р. Г. Лейбовым «евангельские проекции сюжета „смерти царского сына“»⁵² имели место не только на бумаге, но и в действительности.

Так, великий князь Александр Александрович в своем дневнике вспоминал, что «при смерти милого Никсы», которая последовала спустя неделю после Пасхи, протоиерей Василий Прилежаев «по желанию Мама» читал Евангелие от Иоанна, звучащее обычно на утрени Страстной пятницы.⁵³ Читаемые на этой службе 12 евангельских отрывков, среди которых насчитывается пять из Евангелия от Иоанна, повествуют о последних часах земной жизни Иисуса Христа, а сама служба напоминает о крестной смерти Спасителя. Корреспондент официальной газеты Военного министерства «Русский инвалид», подписавшийся «П. В. П.» (скорее всего криптоним можно раскрыть как «протоиерей Василий Прилежаев. — Примеч. ред.»), уточнял, что читались «разные места из Евангелия, отмеченные его рукой в его собственном Евангелии».⁵⁴ Скорее всего, речь шла о книге, принадлежавшей цесаревичу Николаю Александровичу. Среди этих отрывков особенно впечатлил великого князя Александра Александровича содержащийся в первом евангельском чтении призыв Спасителя: «Да не смущается сердце ваше» (Ин. 14: 1). Это библейское изречение былоозвучено настроению великого князя, поскольку еще 6 апреля его цитировал в письме Мещерский, а в дальнейшем оно напоминало Александру Александровичу «Ниццу и смерть милого брата, потому что когда он умирал, то Прилежаев читал именно эту главу».⁵⁵ Тем самым

⁵¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 140.

⁵² Лейбов Р. «Дагмарина неделя»... С. 94.

⁵³ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 185 об.

⁵⁴ Русский инвалид. 1865. 27 мая. № 113. С. 2.

⁵⁵ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868. М., 2011. С. 97; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 298.

смерть наследника российского престола и переживания его матери были вписаны в евангельский контекст.⁵⁶

Вместе с тем поэты были уверены, что добродетельная императрица внесла ощутимый вклад в воспитание и образование сына, представлявшего собою «живой портрет своей матери».⁵⁷ Так, «Ф.» (автор упомянутого выше стихотворения, напечатанного в «Русском инвалиде») писал:

Вдохнула любящая мать
В него в добро живую веру,
Учился правду уважать
Он по отцовскому примеру.⁵⁸

Но если образ императрицы Марии Александровны был цельным и символически однозначным, то в образе Александра II выделялись два аспекта. С одной стороны, он воспринимался как личность, имеющая право на выражение своих чувств, с другой — как государственный деятель, скорбь которого не должна мешать выполнению его обязанностей. Осмысливая это сочетание в судьбе одного человека, Бажанов увещевал:

Как человек, скорбя душою,
И ты, отец, грусти, рыдай!

В то же время он призывал: «Как царь, будь тверд!»⁵⁹ Такая раздвоенность восходила, вероятно, к стихотворению В. А. Жуковского на рождение великого князя Александра Николаевича, в котором поэт выражал надежду, что будущий император не забудет «святейшего из званий: человек», сочетая в себе государствен-

Л. 172 об. Эти слова цесаревич будет вспоминать в самые тяжелые для него минуты, например, в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // Вопросы истории. 2000. № 4—5. С. 120).

⁵⁶ Примечательно, что впоследствии гибель Александра II также будет рассматриваться проповедниками в контексте Евангелия и церковной гимнографии, относящейся к песнопениям Страстной седмицы (Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. С. 72—78).

⁵⁷ Отголосок у гробницы в Бозе почивающего наследника цесаревича великого князя Николая Александровича. Изложенный на немецком языке Цецилиею Боберфельд. С вольным переводом на русский язык. СПб., 1865. С. 3.

⁵⁸ Русский инвалид. 1865. 20 апр. № 83. С. 4.

⁵⁹ Там же. № 85. 22 апр. С. 4.

ные и человеческие качества.⁶⁰ По крайней мере, это стихотворение упоминал редактор газеты «День» И. С. Аксаков, сочувствуя Александру II, которого незадолго до дня рождения (17 апреля) постигло столь горестное событие.⁶¹ По свидетельству Тютчевой, ссылавшейся на Долгорукова, император был тронут статьей Аксакова.⁶²

Между тем выражения верноподданнической скорби смешивались с тонкими комплиментами правящим особам. Прославляя цесаревича, поэты старались ненароком не обидеть государя. Так, Вяземский писал о том, что расцвет России во время несостоявшегося правления покойного наследника был бы невозможен без усилий Александра II. С помощью преобразований тот готовил страну к правлению сына, собравшего бы «плод историчный / с бразды, засеянной отцом».⁶³ В то же время смерть цесаревича, который, как говорилось в стихотворении гр. В. А. Соллогуба «28-го мая 1865 года», «надеждой был живой державного отца»,⁶⁴ стала поводом, чтобы пожелать императору долголетия.

Теперь в душе россиянина
Одна заветная мольба:

⁶⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 97. Обращение внимания на большое значение человеческих качеств будущих правителей было общим местом русской придворной поэзии конца XVIII — начала XIX в. Так, Г. Р. Державин в оде «На рождение в севере порfirородного отрока» призывал будущего Александра I: «Будь страстью своих владетель, / будь на троне человек», а одописец В. П. Петров надеялся, что в душе цесаревича Константина Павловича «пребудет живо и нетленно / всех выше титло человек» (Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 89; Петров В. П. Путешествие его императорского высочества цесаревича Константина Павловича 1799 года. Б. м., б. г. С. 15). Между тем именно Жуковский не только в очередной раз озвучил эту просветительскую идею, но смог внушить ее как своему воспитаннику цесаревичу Александру Николаевичу, так и русскому обществу. Прочно войдя в русскую литературу, идея о святости звания «человек» перестала восприниматься исключительно в связи с августейшими особами, поэтому неудивительно, что в 1919 г. И. А. Бунин в «Октябрьских днях» сетовал на своих современников: «„Святейшее из званий“, звание „человек“ опозорено, как никогда» (Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 6. С. 346).

⁶¹ Аксаков И. С. Собр. соч.: В 7 т. М., 1880. Т. 5. С. 599, 601.

⁶² РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 10 об.

⁶³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 201.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 999. Л. 4.

Чтобы родителю, за сына,
Послала долгий век судьба,

— писал И. Марков.⁶⁵

Еще более оптимистично звучали строки некоего Жданова, который в поисках выхода из трагедии не смог предложить ничего лучше, чем призвать своих читателей:

Будем молиться, чтоб горе
В радость царю перешло.⁶⁶

Таким противоречивым образом стихотворцы в меру своих сил пытались согласовать собственное понимание жанра придворной поэзии с тем скорбным поводом, по которому они писали свои стихи.

Новым наследником по закону стал второй сын Александра II — великий князь Александр Александрович. Однако между кончиной цесаревича Николая Александровича (12 апреля) и официальной публикацией манифеста об объявлении нового наследника (20 апреля)⁶⁷ прошло более недели, и в этот период образ Александра Александровича практически не появлялся на страницах стихотворений, посвященных смерти его старшего брата. Возможно, это было связано с тем, что новый цесаревич, по мнению современников, не был подготовлен к тому, чтобы стать наследником престола (да и самого великого князя его новое положение приводило в отчаяние, о чем он писал 30 июня 1865 г. Мещерскому⁶⁸). Молчание об Александре Александровиче могло быть связано и с ожиданием в обществе документального подтверждения нового статуса великого князя.⁶⁹ Появление же манифеста послужило началом для обсуждения вопроса о необходимости всенародной присяги новому наследнику престола (в итоге этот вопрос

⁶⁵ Памятник в Бозе почившему... С. 136.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 421. Л. 1 об.

⁶⁷ Северная почта. 1865. 20 апр. № 82. С. 325. На печатных оттисках манифеста было указано, что он «дан в городе Ницце, в двенадцатый день апреля», однако его текст был получен в столице 19 апреля и тогда же «печатан в Санктпетербурге» (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 997. Л. 1; Дневник П. А. Валуева. Т. 2. С. 36).

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Ед. хр. 1504. Л. 1 об.

⁶⁹ Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце....». Р. 485—486.

был решен отрицательно),⁷⁰ и практически одновременно имя великого князя Александра Александровича стало упоминаться в стихотворениях, одно из которых было напечатано в день публикации манифеста, а другое написано по прочтении его текста.

В этих стихотворениях получила развитие обозначенная в манифесте идея преемства почившего и здравствовавшего цесаревичей. Поэт, подписавшийся буквой «Ф.», связывал молитвы покойного с дарованием России нового наследника престола. Мольбы усопшего цесаревича были услышаны Пророком, которое, по мнению стихотворца, «солнце новое возжет / над Русью, горем омраченной».⁷¹ Очевидно, что этим новым солнцем был великий князь Александр Александрович. Он «чудесным образом», как отмечает Р. Г. Лейбов, являлся «реинкарнацией своего умершего брата».⁷² Действительно, прочитав манифест, А. И. Плохово писала, обращаясь к императрице:

В Александре теперь воскресает
Наследник, надежда России твоей.

В новом наследнике, который, по мысли Плохово, будет «здрав» и «долговечен», должны были воплотиться не только качества его старшего брата, но и мудрость Николая I, благодушие Александра II, а также слава и честь его небесного покровителя Александра Невского.⁷³

Примечательно, что в других стихотворениях о смерти цесаревича Николай I практически не упоминался, но при этом характерно, что не была достаточно разработана поэтами и тема исторической преемственности, связанной с именем св. Александра Невского (между прочим, прах усопшего цесаревича был перевезен в Россию на фрегате «Александр Невский», что также не было отмечено

⁷⁰ Барыкина И. Е. Проблема престолонаследия в системе государственного управления Российской империи середины XIX века: присяга на верность подданства как экстраординарный механизм // Вестн. Российской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 1. С. 259—265.

⁷¹ Русский инвалид. 1865. 20 апр. № 83. С. 4.

⁷² Лейбов Р. Клеопатра, четырехстопный хорей и Суэцкий канал: из комментариев к лирике Тютчева // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensis VIII: История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 218.

⁷³ Памятник в Бозе почившему... С. 140.

в стихах). В то же время гр. М. В. Толстой в статье «21-го апреля 1865 года», опубликованной в «Московских ведомостях», указывал на параллели между событиями XIII и XIX столетий.⁷⁴ Так, в 1233 г. скончался 13-летний наследник великого князя Ярослава Всеволодовича благоверный князь Федор, а его место занял князь Александр, прозванный впоследствии Невским. И если Федор сподобился святости в юности, то Александр «по блаженной кончине соделался заступником земной родины». Поэтому Толстой надеялся, что «исполнится и ныне над августейшими родителями усопшего царственного юноши то благословение, которого удостоились некогда родители святого князя Феодора», и предсказывал, что «новый наследник всероссийской державы да будет, как тезоименитый ему невский витязь, утешением державных родителей, честию, славою и счастием России».⁷⁵

Последняя фраза, как и вышеупомянутое высказывание Плехово, отсылала к так называемой «тайносовершительной формуле» венчания, восходившей к строке из Псалтири: «Славою и честию венчал Еси его» (Пс. 8: 6), намекая на предстоявшую в будущем коронацию Александра III. Таким образом, исторические параллели в официозной публицистике выглядели вполне оптимистично, а плач по усопшему должен был смениться утешением в лице нового наследника.⁷⁶

⁷⁴ Отдельный оттиск статьи см.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 997. Л. 3.

⁷⁵ Там же. Анализ предания о вел. кн. Александре Ярославиче см.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

⁷⁶ Плач и утешение России. Два стихотворения: 1) И. П. По случаю кончины благоверного государя цесаревича и великого князя Николая Александровича. 2) По случаю торжества присяги благоверного государя цесаревича и великого князя Александра Александровича. СПб., 1865. Согласно одному из библиографических указателей, текст вышеупомянутой брошюры был перепечатан из журнала «Радуга» (Шевелев А. А. Александр III в русской литературе. М., 1896. С. 13). Примечательно, что название «Плач и утешение» являлось аллюзией на поэтическое произведение духовного писателя Сильвестра (Медведева), посвященное кончине царя Федора Алексеевича в 1682 г., а возможно, и на стихотворение В. П. Петрова по случаю смерти Екатерины II и восшествия на престол Павла I в 1796 г. «Утешением» в обоих случаях оказывались воодарявшиеся по смерти предшественников правители (Вирши: силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1935. С. 128—135; Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 419—425).

Между тем кончина цесаревича Николая Александровича стала трагедией как для российской династии, так и для датской принцессы Дагмар, с которой был помолвлен наследник. В посвященном принцессе стихотворении Н. П. Мещерского говорилось, что смерть цесаревича «породнила» Дагмар с русским народом, а стремление быть рядом с умиравшим женихом объединило ее с русскими людьми, молившимися о здравии наследника. «Ты наша», — воскликнул Мещерский, по словам которого, вся Россия в своих молитвах принцессу «русской нарекла».⁷⁷ Примечательно, что это стихотворение было переведено и на немецкий язык (возможно, принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским), с той, вероятно, целью, чтобы объявить всему миру о духовном родстве датской принцессы и русского народа.⁷⁸

Р. Г. Лейбов приводит материалы, свидетельствующие, что весной 1865 г. положение Дагмар казалось неопределенным.⁷⁹ Между тем уже 16 апреля Тютчева делилась со своим будущим супругом Аксаковым мыслями о том, как она видела дальнейшую судьбу принцессы. «Я надеюсь, — писала Тютчева о Дагмар, — что она будет когда-нибудь женой Александра Александровича. Он полюбит ее лишь потому, что ее любил его брат. Мне рассказывали, что когда он был в карауле при теле своего брата, как раз читали Евангелие, в котором сказано: если умирает брат, пусть его брат возьмет его жену и т. д. Впрочем, слишком рано помышлять об этом. Только мне бы хотелось, чтобы маленькая Дагмар была наша».⁸⁰

⁷⁷ Московские ведомости. 1865. 22 апр. № 85. С. 2.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 131. Л. 18—18 об.

⁷⁹ Лейбов Р. «Дагмарина неделя»... С. 96.

⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 9. В подлиннике по-французски. Вопрос саддукеев, заданный Иисусу Христу об исполнении требования Второзакония «восстановить семью» умершему бездетным брату, приводится в трех Евангелиях (Мф. 22: 24; Мк. 12: 19; Лк. 20: 28. См. также: Втор. 25:5). По благочестивому обычаяу, характерному, в частности, для XIX в., над телом почившего священнослужителя до погребения читалось Евангелие, а над мирянином — Псалтирь. Между тем над умершими членами царской фамилии с петровского времени читалось именно Евангелие (Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011. С. 23—24, 32, 79, 142—143; Болотина Н. Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемония похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб., 2016. С. 26). По-видимому, священнослужительские почести по отношению к императорам

Последняя фраза будто перекликалась со строкой Мещерского, стихи которого стали известны Тютчевой не позднее 19 апреля (за три дня до публикации)⁸¹ и, как отмечала в дневнике свояченица Каткова кн. Н. П. Шаликова, «нашли общее сочувствие».⁸²

Следует отметить, что письмо Тютчевой к Аксакову неоднократно переписывалось,⁸³ а сам Аксаков передавал его содержание в письме к известной писательнице Н. С. Соханской,⁸⁴ тем самым способствуя распространению мнения о необходимости женитьбы цесаревича на принцессе Дагмар. Между тем эта женитьба должна была внести определенную рознь между Петербургом и Берлином, поскольку принцесса являлась представительницей Дании, которая в 1864 г. была побеждена Пруссией, в то время как Александр II старался поддерживать не только союзнические, но и родственные отношения с прусским королем Вильгельмом I.⁸⁵ Однако германофobia, характерная для славянофильской среды, по всей видимости, подталкивала Тютчева и Аксакову к стремлению противодействовать союзу России и Пруссии.

Лирическая и эпистолярная публицистика склоняла общественное мнение к сочувствию по отношению к предполагаемой невесте наследника престола. Неудивительно, что к 1866 г., когда состоялась свадьба, Дагмар хорошо знали в народе, поскольку, как писал К. П. Победоносцев вел. кн. Сергею Александровичу, «ей предшествовала поэтическая легенда, соединенная с памятью усопшего цесаревича, — и день ее въезда был точно поэма, пережитая и воспетая всем народом».⁸⁶ Выразителем же стихии народной поэзии, согласно логике Победоносцева, по-видимому, стал Тютчев,

и их родственникам были связаны с особым значением членов императорской фамилии для Церкви, молитвенно поминавшей их как «благоверных».

⁸¹ Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 117.

⁸² НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 54. Ед. хр. 33. Л. 42.

⁸³ См., например: ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Ед. хр. 1179. Л. 1—2; РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 8—9 об. Характер разнотений в указанных рукописях позволяет предположить, что ни одна из них не является подлинником.

⁸⁴ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 9. С. 17—18.

⁸⁵ См.: Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. С. 254—256.

⁸⁶ Письма Победоносцева к Александр III. М., 1926. Т. 2. С. 349.

посвятивший приезду Дагмар в Петербург стихотворение «Небо бледно-голубое».⁸⁷

Что же касается взаимовлияния публистики и поэзии, то в 1866 г. наблюдался процесс активного воздействия лирики на идеи повременной печати. В частности, Катков, несомненно имея в виду стихотворение кн. Н. П. Мещерского, писал о Дагмар: «Она была наша».⁸⁸ В. И. Головин обращался к ней: «Давно, давно зовет / тебя своею наш народ», а Вяземский называл Дагмар «невеста наша», отмечая, что «она Россию полюбила, / и породнилась с ней Россия», а также напоминал: «Глас народа есть глас Божий», свидетельствуя об особой избранности будущей цесаревны.⁸⁹ Таким образом, связанная с датской принцессой «легенда» начала формироваться уже весной 1865 г. и, по-видимому, оказала значительное влияние как на общественное мнение, так и на Александра II, который в конечном итоге настоял на женитьбе Александра Александровича на принцессе Дагмар.⁹⁰

Между тем в статье Р. Г. Лейбова, глубоко проанализировавшего историко-литературные контексты стихотворения Тютчева «Небо бледно-голубое» и сделавшего тонкие замечания по поводу смыслов, вкладывавшихся современниками в события 1866 г., говорится, что брак с принцессой Дагмар, символизируя преемственность и даже «равноценность» двух цесаревичей, означал своеобразную «легитимизацию» великого князя Александра Александровича в качестве наследника престола: «Несомненно, женитьба младшего брата на невесте старшего была символической кульминацией этой полуобрядовой трансформации».⁹¹ Однако если преемственность братьев, как и близость образов Николая Александровича и его невесты, не вызывают вопросов, то для «легитимизации» Александра Александровича, как представляется, было достаточно манифеста о провозглашении его престолонаследником.

Так, 28 апреля цесаревич Александр Александрович вернулся в столицу, а Н. П. Шаликова, еще недавно сокрушавшаяся

⁸⁷ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 163—164. Подробнее см.: Лейбов Р. «Дагмарина неделя»... С. 88—108.

⁸⁸ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 год. М., 1897. С. 282.

⁸⁹ Московские ведомости. 1866. 20 сент. № 196. С. 3; Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 271, 272, 268.

⁹⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 2. С. 239.

⁹¹ Лейбов Р. «Дагмарина неделя»... С. 95.

по поводу недостаточной подготовки великого князя, записывала в дневник: «До нас дошли отрадные вести. Говорят, что наследник на большом выходе держал себя с необыкновенным достоинством. Государя еще не было в Петербурге, когда прибыл наследник Александр. К нему тотчас же явились оба дяди с рапортом и, разумеется, весь двор, генералитет, войско и пр. Наследник вышел как истинный царь. Его было нельзя узнать. Тот ли этот молодой, незначительный мальчик, кот(орого) никто не замечал, он понял вполне свою роль, и величие его проистекло отсюда. Выслушав рапорт Николая Николаевича, наследник бросился ему на шею и расцеловал его, тогда как Константину Николаевичу едва пожал руку, и то с плохо скрываемым презрением. На министров его *Рейтерна* и *Валуева* не обратил никакого внимания. Все в восторге от наследника. Знают его дружбу к покойному брату и то, что он хотел бы умереть вслед за ним, чтобы не царствовать (это он говорил, оплакивая брата), и все сочувствуют ему. Видно, он смелого духа и не боится дядюшки Кости. Дай ему Господь силы характера и любви к России!.. А царь вовсе, кажется, потерялся. Ах, сгубит он нас. *Дагмарा* едет по приглашению государя на похороны цесаревича своего жениха. Бедняжечка! Интересная птичка. Ее Москва очень полюбила».⁹²

Разумеется, в этом эмоциональном женском дневнике многое было основано на слухах и домыслах, передано тенденциозно и преувеличенно. Как тон, так и подробности изложения Шаликовой отличались, например, от сведений в дневниках Валуева и великого князя Константина Николаевича. Последний писал: «Вечером приехали дети Саши (Александра II. — Ф. М.). Встретил их на станции и провел у них вечер. Жалко Сашки (цесаревича Александра Александровича. — Ф. М.), но он очень мил». ⁹³ Тем не менее важно, что в окружении Каткова, одного из ведущих публицистов эпохи, цесаревич Александр Александрович уже в конце апреля

⁹² НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 54. Ед. хр. 33. Л. 78 об.—79.

⁹³ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Л. 36. Ср.: Дневник П. А. Валуева. Т. 2. С. 39. О взаимоотношениях цесаревича Александра Александровича и великого князя Константина Николаевича подробнее см.: Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865—1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 75—76; Воронин В. Несостоявшийся тандем: Цесаревич и великий князь Константин Николаевич // Родина. 2015. № 2. С. 18—20.

1865 г. воспринимался в качестве законного наследника престола, до неузнаваемости изменившегося в лучшую сторону по сравнению с его бытностью простым великим князем. При этом показательно, что хотя Шаликова и упомянула о принцессе Дагмар (так и не побывавшей в России в 1865 г.), но сделала это вскользь и вне всякой связи с вопросом о «легитимизации» цесаревича Александра Александровича. Вовсе не упоминал о Дагмар и Александр II в своей речи перед депутатиями, прибывшими на погребение цесаревича Николая Александровича, прося любить своего нового наследника.⁹⁴

Р. Г. Лейбов отмечает, что пласт значений брака, который «символически должен был закрепить образ Александра как преемника умершего старшего брата», «был выведен за рамки официальных текстов, посвященных бракосочетанию, однако прочитывался, скажем, в символическом акте православного крещения датской принцессы, приуроченном не только к именам предшественниц Дагмары на российском престоле, но и ко дню рождения покойного наследника — Рождеству Богородицы».⁹⁵ Между тем Дагмар перешла в Православие так называемым «вторым чином», то есть посредством Миропомазания, а не Крещения, и произошло это не 8 сентября, когда отмечалось Рождество Богородицы и день рождения цесаревича Николая Александровича, и не 22 июля, на которое приходились именны императрицы Марии Александровны,⁹⁶ а 12 октября 1866 г.⁹⁷ Таким образом, хотя современники и симпатизировали браку будущего Александра III с великой княгиней Марией Федоровной, их женитьба, по-видимому, не воспринималась современниками в качестве «передачи эстафеты» престолонаследия, поскольку к тому времени Александр Александрович уже давно являлся законным наследником и воспринимался в качестве такового.

Во всяком случае, трагедия в императорской фамилии представляла событием государственной важности и всероссийского масштаба. Описывая сопререживание народа императорской фамилии в «Элегии на смерть великого князя, наследника престола россий-

⁹⁴ Северная почта. 1865. 1 июня. № 116. С. 461.

⁹⁵ Лейбов Р. «Дагмарина неделя»... С. 98.

⁹⁶ Выскочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 195.

⁹⁷ Дневник П. А. Валуева. Т. 2. С. 156; Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867. С. 307—308.

ского», принц Петр Георгиевич Ольденбургский констатировал, что «горе постигло» не только «царя и царицу», но и «Россию во целом».⁹⁸ Скорбевшие царственные особы и сочувствовавшие им простые люди, судя по описаниям в стихотворениях, сплотились словно одна семья, в которую входил и покойный наследник, «со всеми русскими сердцами» молившийся о матери в небесных обителях.⁹⁹ Д. П. Ознобинин, лично знавший цесаревича и написавший стихотворение «Роковая весть», надеялся, что скорбь всей России должна была утешить императора:

Утешься, царь!.. скорбишь ты не один!
При вести сей взрыдали миллионы!..¹⁰⁰

Авторы стихотворений отмечали связь России и цесаревича Николая Александровича, который был не только «любимец... семьи», но и «кумир России всей»¹⁰¹ мысленно стремился к ней «в предсмертный час», испытывал «любовь горячую к народу»¹⁰² и даже сроднился «с душой народной»¹⁰³ взяв «память вечную сердец».¹⁰⁴ По словам поэтов, народ тоже питал к наследнику особые чувства.

И в памяти народной чтим,
Наследник не умрет любимый!..

— утверждал Вяземский, видевший в этом своеобразном проявлении бессмертия возможность утешения августейшей четы.¹⁰⁵

Однако трогательное единение царской семьи и простого народа не только описывалось, но и «конструировалось», причем как публицистами и поэтами, так и на самом высоком уровне. С одной стороны, Александр II действительно был признателен подданным

⁹⁸ Стихи Петра, принца Ольденбургского. СПб., 2002. С. 155. См. также типографские оттиски с несколько иным вариантом текста: РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 421. Л. 2; ОГИ ГИМ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 1.

⁹⁹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 140.

¹⁰⁰ Ознобинин Д. П. Стихотворения. Проза. М., 2001. Кн. 2. С. 145.

¹⁰¹ Кончина наследника цесаревича... С. 5.

¹⁰² Русский инвалид. 1865. 20 апр. № 83. С. 4.

¹⁰³ Памятник в Бозе почившему... С. 134.

¹⁰⁴ Северная почта. 1865. 2 июня. № 117. С. 467. Автором этого стихотворения с заголовком «Вечная память» и подписью «Н.» был А. С. Норов (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2792. Л. 3).

¹⁰⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 133.

за знаки выражения их скорби. По свидетельству гр. А. Д. Блудовой, перед отъездом из Ниццы государь сказал соотечественникам: «Русскими молитвами Бог даст мне силу перенести этот удар и смириться перед Его волею!»¹⁰⁶ В публикации речи императора перед депутатиями, прибывшими на погребение наследника, говорилось, что во всеобщем сочувствии, которое «стало единственою для нас отрадою в это скорбное время», Александр II видел «участие всей семьи русской в нашем семейном горе».¹⁰⁷ В этом тексте, подвергшемся редактированию императора уже после выступления, особенно подчеркивалось семейное единение императорской фамилии и народа. С другой стороны, статс-секретарь его императорского величества А. П. Заблоцкий-Десятовский, записавший речь Александра II сразу же после ее произнесения, услышал слова не о единении, а о «связи», которая сближала царский дом и Россию, то есть два близких, но все же различных сообщества.¹⁰⁸ Таким образом, император постфактум придавал своей речи более патерналистский оттенок.

Хотя сочувствие к усопшему наследнику престола было неподдельным, но не менее искренней, по-видимому, была публичная ненависть по отношению к великому князю Константину Николаевичу, которого злая мольва обвиняла в причастности к смерти племянника.¹⁰⁹ «Народ убежден, — писала Шаликова в дневнике о цесаревиче Николае Александровиче, — что он умер, отравленный Константином, что Константин враг царю и всем русским».¹¹⁰ Безусловно, эти слухи не соответствовали действительности. Однако ни официозные стихотворцы, ни поэты-самоучки, упоминая об императорской фамилии в контексте кончины цесаревича, не называли имен тех ее членов, которые не входили в собственно царскую семью.

¹⁰⁶ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 11 об.

¹⁰⁷ Северная почта. 1865. 1 июня. № 116. С. 461. См. также: Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 529.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 1108. Л. 2; Дневник П. А. Валуева. Т. 2. С. 47.

¹⁰⁹ Воронин В. Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии»: (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 75—76.

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 54. Ед. хр. 33. Л. 79 об.

В то же время собирательный образ русского народа и образ цесаревича связывались с помощью осмыслиения его кончины в контексте русской истории и устного народного творчества, которое наследник особенно любил.¹¹¹ В частности, одному из тех, кто имел счастье «лично знать покойного цесаревича», приходили на память слова русской былины:

Не вставать, видно, солнышку от запада,
Не вставать из гроба царевичу.

Эта былина была сложена в XVII в. по случаю смерти царевича Алексея Алексеевича, который был наследником царя Алексея Михайловича, получил «прекрасное воспитание», достиг совершенства и уже принимал участие «в делах государственных», но скончался в январе 1670 г. Знавший цесаревича Николая Александровича автор добавлял, что «после того скончался наследник престола, царевич Петр Петрович, но еще в младенчестве» (о царевиче Алексее Петровиче, конечно, не упоминалось).¹¹² Эти факты, наводившие на размышления об исторических прецедентах, были изложены в анонимной статье по поводу похорон наследника в мае 1865 г., однако еще в апреле некий «Л. Б.» писал:

С Петра Великого времен,
Невольно ныне вспоминаем,
Благословенный русский трон
Первенцем не был покидаем!...¹¹³

И хотя цесаревич Николай Александрович не был первенцем (как известно, его старшая сестра великая княжна Александра Александровна умерла во младенчестве), примечательно, что поэты обращались к былинным традициям допетровской Руси за неимением, по-видимому, образцов в российской придворной поэзии. Примером подражания былинному стилю, в частности, служит стихотворение, поднесенное императрице Марии Александровне

¹¹¹ Иванова Т. Г. Сказитель Козьма Романов и цесаревич Николай Александрович Романов // Традиционная культура. 2014. № 1 (53). С. 168—178.

¹¹² Северная почта. 1865. 29 мая. № 114. С. 453. О царевиче Алексее Алексеевиче подробнее см.: Ракитина М. Г. Царевич Алексей Алексеевич // Преподавание истории в школе. 2006. № 1. С. 28—33.

¹¹³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 698. Л. 1 об.

и подписанное: «Вашего императорского величества вернопреданный». Автор писал:

Закатилося солнышко красное,
Где ты, царевич наш дорогой?¹¹⁴
Юный угас ты, как зоренька ясная,
У моря дальнего, в дали голубой.¹¹⁴

Следует отметить, что историческое осмысление кончины наследника перекликалось с «церковно-риторическим», однако значительно отличалось от него. Если авторы официозных текстов, подражавшие церковной стилистике, рассуждали о неисповедимости Божией воли, то поэты и публицисты, апеллировавшие к историческим параллелям, рассматривали смерть как кару за грехи. Так, молодой филолог И. П. Хрущов предпослав своим воспоминаниям о цесаревиче, впервые опубликованным в 1865 г., летописный эпиграф: «Святьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны. И бысть, в веселия место, плач и сетование за грехи наши».¹¹⁵ Хрущов цитировал отрывок новгородской летописи, посвящённый смерти кн. Федора Ярославича, в котором летописец объяснял произошедшую трагедию божественной карой за прегрешения народа.¹¹⁶ В данном случае цитата из летописи свидетельствовала об отсутствии оптимизма, характерного, например, для уже упоминавшейся статьи гр. Толстого, который также обращался к этому сюжету.

Современников цесаревича Николая Александровича интересовали провиденциальные причины смерти царского сына. «Спрашиваешь себя: за что, за что Бог так карает нас? — писала Тютчева Аксакову. — Но ответ недалек: за наше неверие, за наше двоедущие, за наше презрение и небрежение ко всему родному, русскому, православному, за наше неимоверное равнодушие и легкомысленность».¹¹⁷ А Тютчев в не предназначеннном для публика-

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2792. Л. 8.

¹¹⁵ Хрущов И. Цесаревич Николай Александрович в Петрозаводске. 1863 // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9. С. 132.

¹¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 72. О религиозно-исторических стереотипах древнерусских книжников подробнее см.: Лаушкин А. В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI—XIII вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

¹¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 8.

ции стихотворении «Сын царский умирает в Ницце...» намекал на интерпретацию смерти наследника неблагонамеренными лицами как «казнь отцу за поляков» (или в другой редакции «Божья кара за поляков»), то есть возмездие Александру II за жесткое подавление польского восстания 1863—1864 гг., хотя сам поэт отвергал подобную версию.¹¹⁸

Тем не менее назывались и более прозаические причины болезни и смерти цесаревича Николая Александровича. 30 апреля Тютчев пustил эпиграмму на попечителя наследника гр. С. Г. Строганова:

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил —
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил»...¹¹⁹

Ставшее хрестоматийным рассмотрение этой эпиграммы в контексте печальных событий весны 1865 г. восходит к статье Г. И. Чулкова «Ф. И. Тютчев и его эпиграммы»,¹²⁰ однако исследователь не обратил внимания на средства, которыми поэт достиг каламбурного звучания четверостишия. Между тем Тютчев использовал игру разноязычных синонимов «попечитель»/«куратор», имея в виду одно из значений латинского слова «curatio» — «уход», который, однако, интерпретировался поэтом не в качестве заботы, а как то, что довело цесаревича до могилы.

«Наследника уморили нелепым образом воспитания, — записывал в дневник цензор А. В. Никитенко после беседы с Тютчевым 17 апреля, — особенно тем, как вел его в последние годы Строганов».¹²¹ Оценивая деятельность графа, Тютчев соглашался со своей дочерью Анной, которая, в частности, выражала недовольство Строгановым в письмах к сестре.¹²² Можно предположить, что

¹¹⁸ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 139, 299. См. также: Лейбов Р. Г., Основат А. Л. Стихотворение Тютчева «Сын царский умирает в Ницце...». Р. 489.

¹¹⁹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 141.

¹²⁰ Чулков Г. Ф. И. Тютчев и его эпиграммы // Былое. 1922. № 19. С. 68.

¹²¹ Никитенко А. В. Дневник. (Л.) 1956. Т. 2. С. 509.

¹²² Болезнь и кончина наследника-цесаревича Николая Александровича. 1865. Письма Анны Федоровны Тютчевой в Москву к К. П. Победоносцеву и к сестре ее Екатерине Федоровне // Русский архив. 1905. № 6. С. 288—296.

отмечаемые в мемуарах «упреки» Строганову, обвинения в «недо-смотре, в грубости и сухости его отношений к цесаревичу», «страшное негодование против графа Строганова» в публике, а также распространение в рукописях писем сестер Тютчевых способствовали созданию контекста для восприятия эпиграммы их отца.¹²³

Еще более приземленное объяснение причины смерти наследника можно найти в анонимном стихотворении, которое распевали студенты Петербургского технологического института, будто обращаясь к воспитанницам Смольного института:

Плачьте, девицы:
Наследник умер в Ницце
От боли в пояснице.
Тело его в море, —
А нам какое горе?
Будем пить, пить, пить!¹²⁴

Поводом к подобным действиям послужил траур, наложенный на общественные заведения Российской империи, и в частности на трактиры, где было запрещено исполнение музыки. «Только молодежи, гимназистам все ни почем, — возмущалась Шаликова, — хохочут, орут на панихидах, паясничают, знать ничего не хотят. Ни чувства, ни воспитания!.. Хороша эта молодежь — юноши, будущие деятели России. Дураки как есть...»¹²⁵ Пренебрежение требованиями траура могло быть связано как с неприятием официоза, который казался молодым людям фальшиво-сентиментальным, так и с антиправительственными настроениями, выражавшимися в подчеркнутой непочтительности по отношению к покойному цесаревичу, чей образ ассоциировался с образом верховной власти. Примечательно, что «послание к смолянкам» было известно учащимся Училища правоведения, а его авторство приписывалось недоброю молвой принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому.¹²⁶ Тем не менее появление этого анонимного стихотворения свиде-

¹²³ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 197; Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 508; Левицкая Ф. Из воспоминаний // Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц. М., 2013. С. 211.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Ед. хр. 1379. Л. 3.

¹²⁵ НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 54. Ед. хр. 33. Л. 66.

¹²⁶ Вонлярлярский В. Мои воспоминания. 1852—1939 гг. Берлин, б. г. С. 41; Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 251.

тельствует о внимании населения Российской империи к известиям о кончине наследника престола.

Судя по мемуарным свидетельствам, стихотворения на смерть цесаревича задевали тонкие струны в сердцах людей. Никитенко писал, что в «„С.-Петербургских ведомостях“ напечатаны в переводе очень хорошие стихи на смерть наследника одного финляндского поэта», имея в виду речь Захариаса Топелиуса, произнесенную в траурном собрании Александровского университета 12 мая 1865 г.¹²⁷ А Шаликова признавалась, что «прекрасные стихи» Вяземского «вызывают слезы из глаз каждого, их везде читают с восторгом». Побывав у своих близких знакомых Рахмановых, Шаликова слушала «Похоронный марш» Фредерика Шопена, а одна из присутствовавших дам «нашла, что эта музыка идет к этой прекрасной поэзии», имея в виду стихотворение Вяземского «Вечером на берегу моря».¹²⁸ Однако композиторы предпочитали посвящать кончине цесаревича Николая Александровича не вокальные произведения, а траурные марши, причем некоторые из них были поднесены Александрю II.¹²⁹

В придворном мире также обращали внимание на стихотворения о смерти наследника. Его секретарь Ф. А. Оом, вместе с Вяземским несший ночное дежурство у гроба великого князя, предполагал, «не слагается ли в эти минуты в голове поэта песнь о молодом цесаревиче».¹³⁰ Но так как стихотворение «Вечером на берегу моря» было посвящено путешествию корабля с телом наследника, которое началось 17 апреля,¹³¹ предположение Оома, скорее всего, не верно. Единственное ночное дежурство у гроба наследника, на котором присутствовал и Оом, и Вяземский, согласно извещению состоялось 14 апреля.¹³² Поэтому если Вяземский и обдумывал во время дежурства какое-либо литературное произведение, скорее всего, это была статья «Вилла Бермон» с описанием кончины цеса-

¹²⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 517.

¹²⁸ НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 54. Ед. хр. 33. Л. 79 об.—80.

¹²⁹ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. XII. Ед. хр. 1, 46; Дом Романовых. 400 лет. СПб., 2013. Т. 1: Ночные издания из собрания Российской национальной библиотеки. С. 172—173.

¹³⁰ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826—1865. М., 1896. С. 130.

¹³¹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1865—1867. С. 67.

¹³² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 776. Л. 3.

ревича, произошедшей на этой вилле. Статья была написана 20 апреля, получила высочайшее одобрение и 7 мая была отправлена в писарской копии с подписью-автографом для публикации в «Северной почте».¹³³ Впоследствии появилась и отдельная брошюра.¹³⁴

Между тем, зная о многочисленных элегиях Вяземского, придворные рассматривали его как поэта, который был способен описать трагедию в царской семье. Так, 19 апреля Тютчева послала Вяземскому стихотворение своего отца и Н. П. Мещерского¹³⁵. Возможно, этим она хотела сподвигнуть Вяземского на создание стихотворения, однако Петр Андреевич, входивший в ближайшее окружение императрицы, хорошо чувствовал тональность ощущений государыни и потому не спешил откликаться. Тем самым он, видимо, хотел показать, что понимает переживания безутешной матери. Тем не менее воспоминания Оома и письмо Тютчевой свидетельствуют о существовании при дворе определенного «запроса» на стихотворения о смерти цесаревича.

Неудивительно, что произведение «Вечером на берегу моря» было поднесено императрице Марии Александровне, как и стихи Мещерского, Тютчева, Соллогуба, Норова, а также стихотворения, написанные Эрнстом Шёнбергом (Ernst F. Schönberg) — по-немецки и по-латышски, Джоном Уартсом (John Wurts) из Нью-Йорка — по-английски, и неким Лагузеном — по-немецки.¹³⁶ Примечательно, что среди этих произведений оказалось и стихотворение «Вилла на берегу моря», переделанное 11-летней великой княжной Верой Константиновной из стихотворения Жуковского «Замок на берегу моря» и завершившееся строками:

Царя и царицу я видел... вдвоем
Безгласны, печальны сидели они;
Но милого сына их не было там.¹³⁷

В дневнике помощника воспитателя великих князей Александра и Владимира Александровичей Н. П. Литвинова содержались

¹³³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Ед. хр. 561. Л. 291—307; Северная почта. 1865. 13 мая. №. 102. С. 407—408.

¹³⁴ Вяземский П. Вилла Бермон (Villa Bermont). СПб., 1865.

¹³⁵ Письма А. Ф. Тютчевой к князю П. А. Вяземскому. С. 117.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2792. Л. 3, 9—18 об.

¹³⁷ Там же. Л. 6 об. Ср.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 272.

стихи Бажанова и Мещерского,¹³⁸ а в июне 1865 г. великий князь Алексей Александрович переписал в свой дневник «стихи князя Вяземского после кончины Никсы».¹³⁹

Придворная поэзия воспринималась как в высших сферах, так и в народе. Любопытно, что впоследствии стихотворение Вяземского «Вечером на берегу моря» распространялось не только в рукописных копиях, но и в устной традиции. Вяземский писал:

Плынет он, молодой царевич,
Объятый непробудным сном,
И этот месяц, эти звезды
Горят над царским кораблем.
⟨...⟩

Плынет он к берегу родному,
Где он расцвел и возмужал,
Где втайне подвигу святому
Себя в грядущем обрекал,
⟨...⟩

Из стран далеких ожидая
Того, кто в край родной плывет,
Народ, царевича встречая,
Не скажет: «Се Жених грядет!»

Но если финал стихотворения, в котором «синю морю» не сдавалось, «какую скорбь оно несет»,¹⁴⁰ был достаточно трагичен, то

¹³⁸ Наследник цесаревич Николай Александрович. 1843—1865 г. Воспоминания очевидцев болезни и кончины цесаревича. Часовня и новый храм в Ницце на месте кончины цесаревича. Б. м., б. д. Без пагинации.

¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 85 об. Примечательно, что по случаю рождения будущего Николая II Вяземский сочинил стихотворение «6-е мая 1868 года», но обращался в нем преимущественно к бабушке великого князя — императрице Марии Александровне, восхищаясь ее новым семейным статусом. В том же году состоялось освящение часовни на месте виллы Бермон, актуализировавшее воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче, а Вяземский тем временем написал стихотворение «На память о посещении великим князем государем цесаревичем домика Петра Великого в Сардаме», в котором метафорически называл Петра I преддом покойного наследника. Таким образом, память об усопшем великом князе опосредованно связывалась в творчестве Вяземского с рождением будущего императора (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 368, 374—375).

¹⁴⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 200—202.

в дальнейшем стихотворение Вяземского послужило основой для народной песни, записанной в Саратовской губернии в 1897 г. и имевшей сравнительно оптимистическое завершение:

Спрати зиркальнава вазморья ну там карапь: цыревич плыл;
На ним заснул младой цыревич нипрабудным крепким сном,
Он плыл ка бёришку кругому, где раждён и вазвышон,
Ну там стаят вайска палками, нивеста плакала аб нём! —
— «Ни плачь, ни плачь, мая нивеста, ты с абручонаим кальцом,
Будиши ты матирью Расеи, жаною брата маяво!»¹⁴¹

Повторяя фактическую канву стихотворения «Вечером на берегу моря», эта песнь красноречиво подтверждала мнение Вяземского о том, что народная память обеспечит цесаревичу Николаю Александровичу бессмертие, и в то же время была своеобразным признанием поэтического таланта Вяземского. Во всяком случае, в конце XIX в. память о скончавшемся наследнике престола еще сохранялась в народной среде, хотя ее тональность претерпела некоторые трансформации, связанные, в частности, с изменением статуса датской принцессы Дагмар: от потерявшей жениха невесты до вдовствующей императрицы и матери правящего самодержца.

Подводя итог рассмотрению стихотворений на кончину цесаревича Николая Александровича, следует отметить, что они представляли собой как произведения, близкие к жанру придворной поэзии, так и творения поэтов-самоучек, пытавшихся, но не всегда успешно, подражать высоким образцам. И хотя придворная поэзия не являлась чем-то новым для русской культуры, однако поэтические отклики на смерть наследника престола имели важное тематическое отличие от традиционной одической лирики. Кончина правителя являлась хотя и нежелательным, но неизбежным финалом правления и уже в силу этого представляла собой нечто естественное. Смерть же наследника становилась нонсенсом, несовместимым с привычным ходом жизни. И если в случае смерти правителя поэты были готовы, воздав последние почести умершему

¹⁴¹ Песнь была записана в Сорокином хуторе Петровского уезда Саратовской губернии 15 сентября 1897 г. и, по сведениям М. Е. Соколова, встречалась также в Пензенской губернии (Соколов М. Е. Исторические песни Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1908 год. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 143).

му, провозглашать здравицы его преемнику, то смерть наследника престола затрудняла такой маневр, поскольку император оставался в живых и скорбел о невосполнимой утрате. Тем не менее традиции придворной поэзии требовали объяснить совершившуюся трагедию и найти средство для утешения читателей.

Противоречивое сочетание печального повода и оптимистических выводов, содержавшихся в ряде стихотворений на смерть наследника, говорило о трудных поисках того, как формировать отношение общества к скорбному событию, постигшему императорскую фамилию. В первую очередь такая задача стояла перед публицистикой эпохи, с которой в то же время были тесно связаны стихотворения, повторявшие, дополнявшие и расширявшие идеи, содержавшиеся в публицистике, но и в определенной степени являвшие на нее. Неудивительно, что в этих стихотворениях был нарисован чрезвычайно привлекательный образ покойного наследника. Вызывать общественное сочувствие были призваны и образы других членов царской семьи: страдающей матери, переживающего отца (скорбь которого, однако, не должна была поколебать его преобразовательных намерений), а также преемника старшего брата великого князя Александра Александровича. Разработка образа принцессы Дагмар — невесты покойного — постепенно подводила к мысли, что, несмотря на смерть жениха, принцесса может стать русской цесаревной. В целом же образ царской семьи был связан с образом России, которая, по словам поэтов, сочувствовала членам династии и молитвенно их поддерживала. Однако часть поэтического наследия, письма и мемуары современников свидетельствуют о более широком диапазоне мнений в русском обществе. Таким образом, стихотворения о смерти наследника, адресованные в первую очередь читающей публике, далеко не всегда казались ей убедительными.

Более трех десятков стихотворных произведений, посвященных кончине цесаревича Николая Александровича, не вошло в канонический список русской лирики, а вспоминают о них разве что специалисты. По-видимому, причина этого кроется в том, что горестная страница истории России, связанная со смертью наследника, была перевернута, а новые страницы оказались не менее трагичными и впечатляющими. Уже 4 апреля 1866 г. было совершено первое покушение на императора Александра II (наблюдательные современники отметили, что по церковному календарю покушение

на императора и смерть наследника произошли в один день — «попнедельник Фоминой недели»¹⁴²), давшее повод для нового всплеска публицистической и поэтической активности.¹⁴³ Между тем императрица Мария Александровна и в это время помнила о своих умерших детях — великой княжне Александре Александровне и цесаревиче Николае Александровиче — записывая 11 мая 1866 г. по памяти в свой альбом стихотворение Жуковского «Воспоминание»:

О милых спутниках, которые сей свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говорим с тоской: «Их нет»,
А с благодарностию: «Были!»¹⁴⁴

¹⁴² Дельвиг А. И. Половека русской жизни. М., 2014. С. 781. См. также воспоминания бар. М. П. Фредерикс (ОР РНБ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 63).

¹⁴³ Измайлова А. Лесков и его время // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2011. С. 288—292. См. также: Гузаиров Т. «Голос русского на могиле» (1881): pragmatика некрологов Александру II // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2007. (Вып.) 18. С. 59—63.

¹⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 492. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 59. Ср.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 225.